

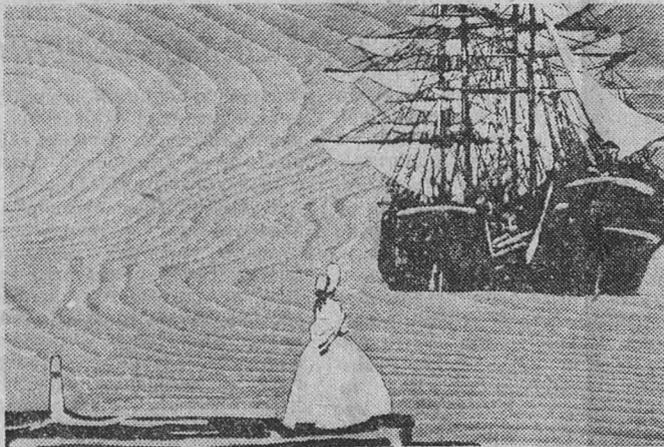
23 АВГ 1980

207

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

ПАРУС ЕГО МЕЧТЫ

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Александра Грина

«Памяти Грина».

Рисунок Леонида КОЗЛОВА.

лизма трансформировались в творчестве Александра Грина весьма своеобразно, преобразуя в правду искусства фантастику выдуманной жизни.

Образная народная речь, как и сочные описания, великолепные пейзажи, растворены в его произведениях.

Грин умел самые фантастические, придуманные, даже надуманные истории написать так, словно они происходили на самом деле в далеком далеке. В этом писателю помогал и богатейший жизненный опыт, соединявший домьсел и действительность в его произведениях. И потому сочинения его становились не подделками сусально раскрашенными, а литературой, которая волновала и заставляла соперничать гриновским героям. Многие из них — буффонны и опереточны на взгляд реалиста, влюбленного именно в прозу жизни, но тем не менее герои — притягательны, трогательны в своем бла-

городстве, вере в мечту, такой огромной безоглядной вере, что свойственна многим людям только в детстве.

Грин сохранил ее до конца своих дней. И не только сохранил, а сотворил в литературных образах очарование и музыку этой веры — мечту. Мечта сделалась его духовным зрением, сфокусировалась в творческом методе, в произведениях. Их сочинял словно не взрослый, пусть и очень эмоциональный человек, а ребенок с пылким, безудержным воображением, которое из прозаического и обыкновенного так любит делать загадочное и таинственное, где сбывается несбыточное, где мир гармоничен и неотразимо красив, где злодеи умирают только потому, что они мешают жить прекрасным людям и должны умереть.

Именно там, в столь чистом и одновременно несколько размытом от избытка чувств

воображении рождались Зурбаган, Лисс, Гель-Гью, Проллив бурь... Именно там, в зеркале воображения, эти непривычные названия звучали и звучат до сих пор музыкой мечты и надежд, хотя описаны у Грина вполне реальные приметы Севастополя и Одессы, Старого Крыма.

И только однажды, когда создавалась «Автобиографическая повесть», в романтике Грине проглянул бесстрастный писатель. А повесть все же получилась романтической: воображение и там двигало поступками, нередко определяло жизненные решения Александра Гриневаго, его нелегкий путь на земле. Иногда ему было в пору отчаяться, сделаться, «как все», и тем самым меньше набивать шишек в жизни от столкновения с действительностью.

Грин не отступил и остался самим собой и в творчестве, выслушивая иногда от собратьев по перу иронически-уничижительное: «Все сказочки пишете?»..

Да, Грин фантазировал. Но его фантазии наполняли реальные переживания и чувства людей, которых он видел по-своему и писал по-своему. Кто-то из «иронистов» давно канул в забвение, а время и слава сделали своим избранником Грина. Новые и новые поколения романтиков грезят «Альми парусами», восторгаются «Бегущей по волнам», «Влестающим миром»... И становятся душевно богаче, отзывчивей и лучше, чем они были до встречи с гриновскими героями, наделенными поистине идеальным благородством.

А. КРОТОВ.

В нашем сознании Александр Грин утвердился, как Рыцарь мечты.

Грин научился читать по книге Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», и первое слово, что он сложил, было — море.

И действительно, неведомая стихия плюс книжные приключения очаровали его на всю жизнь, которую он прошел дорогой тяжелых испытаний, но не был сломлен и не утратил оптимизма.

Вера в справедливость, в чудеса, в огромные возможности человека, о которых сам человек нередко не подозревает и вдруг открывает их в себе как бы случайно, — эта навная и страстная вера, яркая литературная одаренность и настойчивая работа над собой развили в Грине особый талант.

Впрочем, что талант гриновский особый, долго не замечали и будто замалчивали, видя в Грине то русского Брет Гарта, то Джека Лондона, то последователя Эдгара По, мастера лихо закрученных сюжетов, писателя экзотики, сочинителя невероятных историй о кладонискателях и моряках. Видели не без оснований. Все мерки и стандарты западной переводной литературы явственно просматривались сразу же при чтении гриновских произведений, заслоняя при этом, собственно, то, чем Грин отличался и от Эдгара По, и от Джека Лондона, и от Брет Гарта...

Мечта сделалась сущностью его произведений. В живописи, изобразительности Грин, будучи «экзотическим» писателем, многое унаследовал от русской классики с ее вечным стремлением к добру и правде. Эта традиция давала жизнь, дыхание его сочинениям, его миру, который он выдумал и по своему разумению населил людьми, чье благородство, чистота, наивность и задумчивость так нас привлекают.

Уроки критического ре-